

РОМАН Л. Ф. НЕЛИДОВОЙ «НА МАЛОЙ ЗЕМЛЕ», КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ БИОГРАФИИ СЛЕПЦОВА

Сообщение Л. А. Евстигнеевой

Биография Слепцова до сих пор не написана. Существует лишь несколько работ, специально посвященных этой теме. Первая из них — статья матери писателя — Ж. А. Слепцовой — относится к 1890 г.¹ Здесь только намечаются основные этапы жизни Слепцова, которые освещаются наивно и в значительной степени тенденциозно. Вторая — «Биография В. А. Слепцова», записанная со слов брата писателя в 1903 г. соседом по имени В. С. Марковым. Название работы не соответствует ее содержанию². Правда, Марков исправляет ряд неточностей, допущенных Ж. А. Слепцовой, вводит несколько новых фактов, но следует признать, что в целом статья не отвечает своей цели. Довольно примитивный биографический очерк был предпослан издателем А. Н. Сальниковым к третьему изданию сочинений Слепцова в 1903 г. В 1932 г. К. И. Чуковский составил «Хронологическую канву жизни и работы В. А. Слепцова»³, которая, как и статья того же автора «Василий Слепцов», основана на исследовательском изучении архива Слепцова и его родственников: в ней использована переписка писателя с друзьями и близкими, широко привлечены материалы литературной и общественной жизни 60-х годов. Однако «канва» неполна и в ней есть отдельные неточности.

Естественно, что мы пользуемся свидетельствами людей, близких Слепцову, чтобы иметь возможность расширить круг наших знаний о нем. Заслуживает поэтому внимания рукопись неизданного большого — 60 печатных листов — романа писательницы Лидии Филипповны Нелидовой «На малой земле», в котором под именем Льва Дмитриевича Свиридова изображен Слепцов.

Лидия Филипповна Нелидова (1851—1936) была гражданской женой писателя в последние три года его жизни. Они познакомились летом 1875 г., когда Слепцов вместе с профессором Иванюковым жил на даче в Петровском-Разумовском под Москвой. Нелидова (эта фамилия — литературный псевдоним писательницы) была дочерью директора Петровско-Разумовской академии Филиппа Николаевича Королева. Живая и обаятельная женщина, интересная собеседница, она всегда находилась в центре внимания молодежи, посещавшей дом Королевых. В 1869 г. она вышла замуж за доцента Московского технического училища А. А. Ламовского, который вскоре застрелился (по-видимому, на почве психического расстройства). Родители Нелидовой помогли ей уехать в Швейцарию. Больше года она прожила в семье видного деятеля «молодой эмиграции» и ученого Льва Ильича Мечникова, разносторонне одаренного человека, сблизилась с его женой О. Р. Скарятной, встречалась почти со всеми деятелями русской революционной эмиграции. Все это значительно расширило ее кругозор.

Приятельница Нелидовой В. М. Спасская сообщает, что в Швейцарии Лидия Филипповна узнала «много нового для себя, знакомясь, между прочим, под руководством Л. Мечникова с „Капиталом“ Маркса»⁴. Конечно, социалистические идеи не стали для нее символом веры, волюнтаризм Нелидовой всегда было наносным, поверхностным, под ним скрывалось, в сущности, равнодушие к вопросам политики, однако общение с деятелями революционной эмиграции было примечательным фактом в ее жизни. Уже в старости, живя в доме престарелых ученых в Ленинграде, она написала воспоминания «Лев Ильич Мечников и мое знакомство с ним», из которых мы узнаем,

что в семье Мечникова она могла слышать много интересных политических разговоров на самые актуальные темы. Например, она была свидетельницей того, как в среде «молодой эмиграции» обсуждали поступки Нечаева вскоре после начавшегося процесса «нечаевцев». По ее словам, Лев Ильич «очень хвалил старшую дочь Герцена Наталью Александровну, рассказывая, как ее старался увлечь известный Нечаев и как это ему не удалось»⁵. Сама Нелидова пишет в романе «На малой земле», что за границей Лидии Михайловне Карабиной (т. е. ей самой) неоднократно приходилось «бывать на собраниях социал-демократической партии»⁶.

Вернувшись из Швейцарии, Нелидова начала писать рассказы и повести для детей. Ко времени знакомства со Слепцовым она уже была автором двух небольших книг — сборника сказок «Радость» и повести «Девочка Лида», — довольно бесцветных. Однако Слепцов, увлеченному молодой женщиной, показался в ее произведениях чуть ли не настоящий талант. Вот выдержка из его письма к Нелидовой от 18 мая 1875 г. о «Девочке Лиде»: «Вся картина написана мастерски, подробности превосходны. Я было начал их подчеркивать и бросил. Очень уж их много. Как дети примут вашу книгу, я не знаю, что вы будете писать и в каком роде, это тоже неизвестно, но что у вас талант и быть может блестящий, я в этом *теперь* не сомневаюсь ни одной минуты. Мне очень хочется написать подробный разбор вашей прелестной „девочки“ и притом нужно с вами много говорить о ней»⁷.

Слепцов, действительно, принялся за критическую статью о повести Нелидовой. Упоминания о работе над ней мы находим в нескольких его письмах осени 1875 г. Как установила М. Л. Семанова, отрывки этой статьи сохранились в бумагах писателя и в бумагах Нелидовой (см. выше, стр. 489).

Однако статья осталась неоконченной, написано только вступление и дан пересказ содержания повести. Возможно, Слепцов, хваля «подробности» произведения, понимал, что в целом оно малозначительно и не заслуживает серьезного разбора.

Знакомство, завязавшееся на почве общих литературных интересов, вскоре переросло в тесную дружбу, а потом и в любовь. В начале 1876 г. Нелидова под предлогом путешествия после смерти матери уехала в Москву, а оттуда тайком в Киев и стала гражданской женой Слепцова. Молодой женщине пришлось выдержать немало упреков, косых взглядов и откровенного недоброжелательства. Отец Нелидовой был настроен непримиримо. Слепцов в феврале 1876 г. вернулся в Москву для решительного объяснения с ним. В архиве ЦГАЛИ хранится письмо Слепцова к Нелидовой от 15 февраля 1876 г. с подробным отчетом о разговоре с Ф. Н. Королевым.

Итак, Нелидова стала спутницей жизни писателя с начала 1876 г. Она сопровождала его почти во всех скитаниях 1876—1877 гг.; в июне 1877 г. поехала с ним на Кавказ, но из Пятигорска вернулась в Москву, чтобы найти средства для лечения безнадежно больного писателя. Все ее отчаянные попытки достать деньги у богатых почитателей его таланта оказались безуспешными, она продала часть своих вещей, чтобы хоть временно поддержать его, старалась устроиться на работу. В ноябре 1877 г. Слепцов вернулся «умирать» к матери, в имение Куракино, и Нелидова была для него самым близким человеком до последнего часа жизни.

Их переписка, в значительной степени сохранившаяся, показывает, что Слепцов относился к Нелидовой с большой теплотой, внимательно заботился о ее литературном росте, был лучшим наставником и другом. В 1870-х годах он помещал произведения молодой писательницы в «Ремесленной газете», где в то время сам печатался, правил ее повесть «Полоса», хлопотал о цензурном разрешении рассказа «Дело прошлое». После смерти Слепцова Нелидова опубликовала несколько произведений, обративших на себя внимание Тургенева и Глеба Успенского.

«Мне не нужно уверять вас, — писал ей Тургенев 21 февраля 1880 г., — что мое знакомство с вами оставило во мне самые приятные воспоминания, что отныне на свете стало одним человеком больше, который внимательными и дружелюбными глазами будет следить за вашей жизнью и вашей деятельностью»⁸. Это лестное письмо написано вскоре после появления в «Вестнике Европы» повести Нелидовой «Полоса», которую похвалил Тургенев в письме к Стасюлевичу⁹.

К. А. Слещин, родился в Казани в 1846 г. Мать его, Анна Ивановна Слещина, происходила из древнего русского фамилия — аристократическая. Отец его, Александр Иванович Слещин, был купцом, а мать его, Анна Ивановна Слещина, происходила из древнего русского фамилия — аристократическая. Отец его, Александр Иванович Слещин, был купцом, а мать его, Анна Ивановна Слещина, происходила из древнего русского фамилия — аристократическая.

К. А. Слещин, родился в Казани в 1846 г. Мать его, Анна Ивановна Слещина, происходила из древнего русского фамилия — аристократическая. Отец его, Александр Иванович Слещин, был купцом, а мать его, Анна Ивановна Слещина, происходила из древнего русского фамилия — аристократическая.

РУКОПИСЬ БИОГРАФИИ СЛЕЩИНОВА, НАПИСАННОЙ ЕГО МАТЕРЬЮ. БЫЛА ПОСЛАНА

Ж. А. СЛЕЩИНОВОЙ В ПИСЬМЕ К Л. Ф. НЕЛИЦОВОЙ

Листы первый и последний, 1886 г.
 Собрание К. И. Чуковского, Москва

Глеб Успенский, познакомившийся с Нелидовой примерно в те же годы, называл себя «поклонником ее ума», писал ей откровенные дружеские письма и старался вовлечь ее в активную общественную жизнь. Именно по его настоянию она познакомилась с известным революционером Германом Лопатиным и встречалась с ним не только до его ареста, но и после выхода из Шлиссельбурга. Ее многочисленные рассказы, деревенские очерки и воспоминания о встречах с Некрасовым, Тургеневым, Эртелем, Стрепетовой, Е. С. Некрасовой, Лопатиным печатались, начиная с 1879 г., в «Вестнике Европы», «Русской мысли», «Современном мире», «Русском богатстве», «Русских ведомостях», «Голосе минувшего»¹⁰. Статьи и фельетоны Нелидова помещала в газетах «Порядок», «Голос», «Московский телеграф», «Голос Москвы» и других изданиях.

Однако настоящего писателя из нее не получилось. Сентиментальность, стремление к украшательству, погоня за красивыми словами подменяли в ее произведениях правду жизни. Поэтому Тургенев вскоре резко отозвался о ее рассказах «Воробьиные ночи» и «Единственный случай», несмотря на доброе отношение к их автору. «Поневоле подумаешь, что именно в своем таланте вы сами сомневаетесь и собираетесь заменить его всеми этими прелестными, искусно выточенными подставочками, — писал он. — Мне страшно, что можно вынимать или вставлять описания природы — точно изюмины кулича»¹¹.

За всю свою долгую жизнь Нелидова так и не выработала собственного голоса. Она подражала то Тургеневу, то Глебу Успенскому, то Гончарову. Но чаще всего и больше всего — Слепцову. В сущности, на всем творчестве Нелидовой лежит отблеск таланта Слепцова. Благоговейное отношение к его памяти дает себя знать и в выборе тем, и в подходе к материалу, и даже в методах его обработки. Следуя за писателем, она часто развивает те же деревенские темы («Под Ивана Постного», «Поездка на Волгу в голодный год», «Георгиевский кавалер» и др.), особое внимание обращает на использование народного языка, применяя, обычно неумело, знаменитую слепцовскую «звукотпись».

Слепцов был для Нелидовой образцом, на который она равнялась. Не только в художественных произведениях, но даже в статьях и воспоминаниях мы встречаем отголоски его мыслей. Так, в статье «Памяти Полины Антиповны Стрепетовой», написанной через много лет после смерти Слепцова, она поднимает характерный для него вопрос о судьбах русского театра и несчастном положении актеров. И сразу же начинает говорить как бы языком Слепцова, мы слышим даже его интонации: «Но что может сделать один, сам по себе актер или актриса, как бы ни были они даровиты? Цепь условий, не известных другим, связывает их по рукам». Если сравнить эту статью с публикуемой выше статьей Слепцова о театре, можно найти даже общие выражения. «Дать театру только то, без чего он не может существовать. Во что же обратится тогда театр?» — пишет Нелидова, повторяя мысли Слепцова¹².

Таким образом, ценность творчества Нелидовой заключается в том немногом, что она могла воспринять и сохранить от общения со Слепцовым. Естественно, что мысль создать биографический роман о нем, чтобы увековечить его образ, была у Нелидовой чуть ли не главной задачей всей жизни. В письмах к В. З. Ворониной, близкой приятельнице Слепцова, она неоднократно говорит об этом. «Надо вам сказать, что я вся нахожусь под впечатлением *его* писем и своего романа. Знаете ли, что я недавно поняла: я ведь и умереть-то не могу, не написавши этот роман. Никак не могу! Это словно долг какой-нибудь перед собой и перед его памятью». В письме к Ворониной от 28 августа 1880 г. Нелидова признается, что теперь у нее есть «желание, ставшее исключительным желанием всей жизни: из обломков, из клочков, оставшихся у самой себя и у других — создать <...> живой образ, похожий на тот, в котором были весь смысл, все радости жизни»¹³.

Роман «На малой земле» действительно стал делом всей жизни Нелидовой, так как писался около пятнадцати лет. Она работала над ним с перерывами. Первоначальный этап работы относится к 1880 г. В начале 1880 г. она говорила о замысле романа Тургеневу, прося у него совета, видимо, относительно композиции произведения. 11 апреля 1880 г., отвечая ей, Тургенев заметил, что форма романа сейчас не должна волновать ее. «Важнее то, — писал он, — чтобы отдельные части романа — особенно биографиче-

ского — имели бы между собою соответствующую соразмерность, но вы, помните, хотели обратить особенное внимание на это обстоятельство. Форма же может перейти из описательной в более драматическую (или разговорную) без ущерба для общего впечатления — особенно если эта перемена обуславливается самим содержанием». Тургенев настойчиво советовал Нелидовой: «Пишите, а не описывайте, как бы поэтично это у вас ни выходило. Всякое описание напоминает об авторе, а этого-то нужно избегать пуще всего»¹⁴.

Летом 1880 г. Нелидова просила В. З. Воронину рассказать ей все, что она знает о Слепцове, и передать в ее распоряжение письма писателя к ней. Все это нужно было ей для романа, к работе над которым она, видимо, уже приступала. «Это не любопытство, — писала она, — не желание забраться в чужую, в вашу душу». Письма к Ворониной нужны были ей, как крупицы, которые помогут воссоздать «живой» образ Слепцова. Вера Захаровна Воронина, дружбу с которой очень ценил Слепцов, знала его с 1862 г. Ей он писал о своих творческих планах, о личной жизни в период с 1866 по 1872 г., о работе над романом «Хороший человек». Воронина сообщала Слепцову подробные сведения о жизни общих знакомых, которые писатель намеревался использовать в начатом романе. Именно Ворониной Слепцов признавался, что много думает над новым произведением, так как за внешней фабулой, основанной на любовной истории друзей, хочет провести глубоко скрытую мысль. 21 января 1868 г. он писал ей: «и в то же время я необыкновенно упорно продумывал и проверял разные свои мысли и все больше и больше убеждался, что они и теоретически верны, и практически подтверждаются. Притом же вы знаете, что мысли для меня самый драгоценный в мире предмет. Я могу любить одни мысли»¹⁵.

В письмах Слепцова к Ворониной есть много немаловажных сведений. Так, письмо от 16 марта 1868 г. подтверждает, что именно Слепцову принадлежит статья «Тип новейшей драмы», напечатанная в февральской книжке «Отечественных записок» 1868 г., что до сих пор неосновательно оспаривают некоторые исследователи¹⁶. Там же он называет еще одно свое произведение — вторую часть «Записок метафизика» — статью «Кто виноват (Опыт судебной защиты)».

Несомненно, Воронина могла рассказать Нелидовой многое о жизни и творчестве Слепцова. Советы ее были полезны еще и потому, что она сама занималась писанием рассказов и печатала их с помощью Слепцова в «Отечественных записках» и в «Искре». Поэтому у Нелидовой в 1881 г. возникла мысль поселиться в деревне, неподалеку от Ворониной, и там вплотную взяться за роман. К этому времени кое-что у нее уже было сделано. «Написала всего одну главу, недурную, но подумайте, — только одну!», — сообщила она Ворониной 28 января 1881 г. Итак, если основываться на письмах Нелидовой, роман был начат в конце 1880 г.

Однако можно высказать предположение, что какая-то часть романа, может быть, наброски, отдельные записи, была создана еще при жизни Слепцова. Когда читаешь главы романа, посвященные описанию детства и юности писателя, невольно создается впечатление, что по отдельным страницам рукописи прошлась его рука. Впрочем, может быть, причина этого заключается в том, что все, изложенное в этих главах, было записано Нелидовой со слов самого Слепцова. Во второй части романа она сообщает, что была слушательницей автобиографических рассказов писателя. «На вопросы ее о прежней жизни Свиридов (Слепцов) охотно рассказывал всю свою прежнюю жизнь с самого начала, как только начинал себя помнить» (ч. I, л. 199). Возможно и другое: в распоряжении Нелидовой были рукописи неоконченных произведений Слепцова, в частности, первоначальная редакция его романа «Хороший человек», произведения во многом автобиографического. При работе над своим романом она щедро насыщала отдельные страницы мыслями Слепцова. Так появились в первой части рассуждения о цели и смысле жизни, слова о границе-черте, существующей в воображении человека, — и другие отрывки, очень похожие на соответствующие рассуждения Слепцова в романе «Хороший человек».

Разговор Свиридова и Николая Ильича Стоцкого в XIV главе романа Нелидовой разительно напоминает, например, разговор Теребенева и Саложникова на Невском проспекте (см. публикуемую выше первоначальную редакцию «Хорошего человека»).

Да и хорошо известные читателям произведения Слепцова Нелидова часто использует, чтобы выбрать из них характерные для писателя мысли и высказать их почти его словами.

Так, во второй части романа «На малой земле» изображается встреча Свиридова-Слепцова и его родственника — типичного человека 40-х годов — Н. И. Стоцкого. Свиридов приезжает в 60-х годах из Петербурга, где только что остро пережил разгром революционных сил, и слышит всё те же красивые слова Николая Ильича об общественных обязанностях и долге. «Свиридов поморщился и бросил папиросу.

— Был у меня приятель, который любил говорить: „долг прежде всего!“ Так он его понимал в буквальном смысле и должен, где мог, главным образом своему портному» (ч. I, л. 129).

Ироническое отношение к высоким словам, когда они не подкрепляются настоящим «делом», всегда было в высшей степени характерно для Слепцова. Те же мысли он вложил в уста своего любимого героя Рязанова из повести «Трудное время». Напомним, что Рязанов тоже рассказывает об одном своем приятеле, который любил «серьезно» рассуждать о долге и деле. «Я как-то одного встретил на улице — я в баню шел, пора, говорит, нам серьезно приняться за дело. Я говорю: да, говорю, пора, действительно, говорю, пора. До свиданья.— Куда же вы,— говорит. — А в баню, говорю, омыться...» (II, 27). За этими «шуточками» несомненно скрывается сам Слепцов с его неприязненным отношением к легкомыслию в больших общественных вопросах.

Таким образом, использование мыслей и даже выражений Слепцова для воссоздания его «живого» образа — отличительная черта романа «На малой земле». Это позволяет нам отчасти восстановить метод работы Нелидовой. Как уже говорилось выше, метод этот был довольно своеобразен. Нелидова собрала рукописи незавершенных произведений Слепцова, сохранившиеся у нее и у близких писателя, письма его к матери и к Ворониной, письма писателя к ней, — и все это сделала документальной основой романа. Поэтому в отличие от памфлетных романов Лескова и Крестовского, где тоже под вымышленными именами выведен Слепцов, роман Нелидовой почти лишен элементов вымысла. Не вызывает сомнения, что события, изображенные в романе, подлинны; в большинстве случаев их подлинность подтверждается письмами самого Слепцова и фактами его биографии.

Так, Нелидова рассказывает, что в первые месяцы их знакомства в окрестностях Молодого (Петровского-Разумовского) был затеян спектакль «в пользу земского приюта при земской больнице». Свиридов охотно взялся за обязанности режиссера; решено было поставить пьесу Островского «Воспитанница». Нелидова подробно описывает репетиции, происходившие в доме Болхотских, распределение ролей между участниками спектакля и т. п. Полностью совпадают с этими описаниями письма Слепцова к Нелидовой от апреля 1875 г., в которых тоже говорится о постановке «Воспитанницы». «Я был у Крестовоздвиженской,— пишет он 22 апреля 1875 г.— Она согласна взять роль генеральши. Леонида я нашел — фамилия его Скворцов, опытный актер и даже, кажется, с талантом; я видел его зимою в одной пьесе: очень, очень недурен, и наружность вполне удовлетворительная. Перегриновна — Каменская. Таким образом, пьеса, как видите, обставляется недурно». Нелидова почти дословно цитирует в романе письма Слепцова от 9, 18 и 22 мая 1875 г., относящиеся, в основном, к истории их любви. Разговор Слепцова с ее отцом, о котором упоминалось выше, она излагает в форме диалога, не меняя ни одного выражения Слепцова.

Более свободно она обращается с письмами последних лет жизни Слепцова (с Кавказа и из Бекова). В них она иногда вносит изменения, которые не всегда оправданы необходимостью сюжетного развития. Так, письмо Слепцова о замысле романа «Остров Утопия» она пересказывает в виде разговора Свиридова и Лидии Михайловны, причем непосредственно связывает его с замыслом своего романа «На малой земле»¹⁷.

Иначе Нелидова использует в своем романе письма Слепцова к Ворониной. Она выбирает из них не сведения о литературной и общественной деятельности писателя в 60-е годы, а бытовые факты, так или иначе характеризующие личность Слепцова. К тому же, если свои письма она, как правило, датирует верно, так что по ним можно

проследить хронологическую канву жизни писателя, то этого нельзя сказать о письмах к Ворониной. Нелидова зачастую берет из них факты, относящиеся к 60-м годам, для характеристики биографии Слепцова в конце 0-х годов или просто использует отдельные образы, располагая их в произведении совершенно произвольно.

Так, 21 января 1868 г. Слепцов жаловался Ворониной на чувство страшного душевного одиночества, которое он испытывал после выхода из тюрьмы, и, между прочим, с раздражением описывал своих соседей, действующих ему на нервы. «Кроме того, надо вам сказать, что рядом со мною живут два молодых идиота — молодые супруги, приезжие, целый день сидят дома и почти не говорят друг с другом; все время у них проходит в том, что они или занимаются любовью или в карты играют. Кончают игру, начинают возиться и нежничать, кончили возню — „ну, вадавай! Тебе ходить...“». Эти комические фигуры Нелидова и поместила в свой роман. В пятой его части, рассказывая о жизни Свиридова и Лидии Михайловны в Кисловодске в 1877 г., она вспоминает о соседях, которые, якобы, жили в соседнем номере гостиницы и тоже целыми днями обменивались немногословными репликами: «Вадавай! Тебе ходить!» Подобных примеров можно привести немало. Оказывается, что весь роман Нелидовой насыщен мыслями, образами, разговорами Слепцова. Документальность, отсутствие беллетристического вымысла — характерная особенность романа «На малой земле». Если учесть к тому же, что он написан человеком, искренне преданным Слепцову, старавшимся защитить его от несправедливых приговоров и нападок, станет ясно, почему роман представляет интерес для биографов писателя.

Однако Нелидовой не удалось создать полноценного произведения о жизни Слепцова. Помешало многое: малый талант автора, узость мировоззрения, обстоятельство работы над произведением. Роман был закончен только в 30-х годах XX в., незадолго до смерти писательницы. Горячо взявшись за работу в начале 80-х годов, Нелидова столкнулась с целым рядом трудностей, главная из которых заключалась в том, что само имя Слепцова было в те годы, вплоть до революции 1905 г., одиозно для цензуры. Вскоре Нелидова охладела к роману, а в 1885 г., выйдя замуж за А. Н. Маклакова — главного врача Глазной поликлиники Московского университета, — окончательно забросила работу. В этот период она участвовала в деятельности Общества любителей российской словесности, на вечерах у нее в доме бывали Ключевский, Тимирязев, Веселовский. «Охотно посещал их и М. Горький», — пишет биограф Нелидовой, В. М. Спасская¹⁸. Можно думать, что устные рассказы Нелидовой о Слепцове побудили Горького поближе познакомиться с его произведениями и впоследствии написать о нем статьи.

В 1895 г. после смерти Маклакова Нелидова поселилась в маленьком подмосковном имении с В. З. Ворониной и снова принялась за роман. В это время, видимо, были написаны самые большие его части: вторая, третья и четвертая, повествующие о любви Слепцова и Лидии Филипповны и о семейной истории Королевых. После 1914 г. — снова довольно большой перерыв в работе. Нелидова переезжает в Москву, занимается общественной деятельностью. В. М. Спасская пишет, что вместе с А. В. Погожевой Нелидова «принимала участие в устройстве общеобразовательных и народных развлечений в Москве, состояла членом Московского женского клуба, а во время мировой войны была сестрой милосердия в учрежденной в Москве при ее содействии Никольской общине»¹⁹. После Октябрьской революции Нелидова одно время работала в Наркомпросе вместе с Н. К. Крупской; с первого дня возникновения Всероссийского союза писателей была членом его московского отделения. И, наконец, лишь после 1925 г. вернулась к роману «На малой земле» и закончила его в доме для престарелых ученых, в Москве или в Ленинграде, куда она была переведена в 1930 г.

Точную дату окончания романа установить не удалось, но если судить по тому, что в 1934 г. Нелидова уже делала попытки напечатать роман, можно предположить, что он был закончен в начале 1930-х годов.

Такой долгий срок создания романа не мог не повлиять отрицательным образом на его достоинства. Естественно, что в 1890-х, а тем более в 1920-х годах Нелидова плохо помнила идейно-политическую атмосферу 1860—1870-х годов, о которой ей приходилось писать. Тем более, что при жизни Слепцова она воспринимала все очень

наивно и поверхностно. Считая ее «малюткой», Слепцов, как это видно и из романа, избегал с ней серьезных разговоров на общественно-политические темы. Сама Нелидова признается, что он частенько говорил о своем детстве и юности, но мало и неохотно рассказывал о жизни в Петербурге до встречи с ней. Это и понятно. Слепцову, конечно, духовно были более близки Л. Е. Воронцова или даже В. З. Воронина, чем Нелидова. Поэтому рамки романа искусственно сужены. Перед нами не вся жизнь Слепцова, а лишь его юность и последние годы жизни.

В сущности, Нелидова написала не биографическо-общественный, а семейно-бытовой роман, в центре которого оказалась история любви видного петербургского литератора и начинающей писательницы. Все же остальное служит фоном, на котором разворачивается действие. Роман загроможден бесчисленными побочными эпизодами: историей семейных отношений сестры Нелидовой — Любови Филипповны Суражевской — и ее мужа Алексея Павловича Суражевского (в романе Болхотские), рассказами о деятельности и личной жизни отца Нелидовой — Ф. Н. Королева (в романе — Карабин) и т. д. О художественных достоинствах произведения даже не приходится говорить. Роман рыхл, растянут, неотработан, грешит всеми пороками «дамской» описательной беллетристики.

Однако при всей неполноценности это огромный роман о *Слепцове*, ибо Нелидова не просто попытала свое произведение памяти писателя, а действительно воссоздала его «живой» образ. Перед нами Слепцов, но не такой, каким его описывали враги, изопрямаясь в злобных и лживых выдумках, а простой, глубокий и мужественный человек, жизнелюб и искатель, о котором мы, в сущности, еще очень мало знаем. В этом и заключается главное достоинство романа Нелидовой. Отбросив ненужные подробности, загромождающие десятки, а иногда и сотни страниц романа, мы находим в нем новые, ценные факты, обогащающие наши знания биографии Слепцова.

Прежде всего это описание детства Слепцова и процесса формирования его взглядов. В детстве у Слепцова не было тепла и семейного уюта. Его отец, тамбовский помещик, аристократ, Алексей Васильевич Слепцов (в романе Дмитрий Львович Свиридов), был нелюбимым сыном в семье и при разделе имущества его обделили. Причиной этого было и то, что отец против воли родителей женился на католичке, польке Жозефине Адамовне Вельбутович-Паплонской, генеральской дочери, но бесприданнице (в романе — Анна Викентьевна, урожденная Ферзен). Мать отца ненавидела невестку, некрасивую, плохо говорившую по-русски. Поэтому Слепцов вспоминал, что в детстве у него было два гения: добрый — мать и злой — бабушка. Жили у бабушки в Москве, семья была большая (шесть человек детей, из которых Василий Алексеевич — старший), отец вечно болел, и на детей никто не обращал внимания. Обстановка в семье способствовала тому, что мальчик рос замкнутым и наблюдательным. С самых первых лет жизни Слепцову была присуща необыкновенная, повышенная восприимчивость к чужому страданию, которая сохранилась у него на всю жизнь.

Мать очень рано (лет с четырех-пяти) стала брать его всюду с собой: в гости, в концерты, в Малый театр, который он сразу же страстно полюбил. Пяти лет, почти самоучкой, он выучился читать и с тех пор подолгу пропадал в огромной библиотеке деда (в романе — старика Свиридова). В 1849 г. родители, наконец, уехали от бабушки и поселились своим домом в селе Александровка Сердобского уезда Саратовской губернии. Отец уже не вставал с постели, мать действительно принялась за хозяйство, так как в имении даже не было дома и на первых порах негде было жить. Сыновей Василия и Николая (в романе — Сергей) отдали учиться в Пензенский (в романе — Саратовский) дворянский институт.

Василий учился хорошо, став вскоре лучшим учеником, но с товарищами сходилась неохотно. Его мать, которую он в детстве боготворил, однажды испортила ему пребывание в институте своим поведением на ежегодном торжественном вечере, куда явилась не вовремя и в неподходящем платье. Мальчик от стыда упал в обморок и вынужден был потом долгое время выслушивать насмешки товарищей, что способствовало его отчуждению от них. Под предлогом занятия хозяйством после смерти отца он весной не вернулся в институт, но делами занимался мало, а уходил на целый день в лес и подолгу раздумывал о жизни.

В пятнадцать лет для него самым важным стал вопрос, для чего жить, где смысл жизни, где «опора». Опору он нашел в религии, но так как никогда не умел ничего делать вполноценно и всегда отдавался любимому делу самозабвенно, со всей страстью, то религиозность скоро превратилась в фанатизм. Он надел на тело железную ржавую цепь от старых весов и долго носил ее под рубашкой, подвергал себя добровольному воздержанию от пищи. Вериги скоро стерли кожу, под рубашкой образовались ранки, но он продолжал носить цепь. Ведь «если любишь и веришь», оправдано любое страдание и любой аскетизм (ч. I, л. 86) — таков был ход его мыслей.

Л. Ф. НЕЛИДОВА (ЛАМОВСКАЯ)

Фотография на билете для входа на Политехническую выставку в Москве, 1872 г.
Литературный музей, Москва

Вернувшись в институт, Слепцов добровольно стал прислуживать в алтаре. Он выстаивал все службы в институтской церкви, радуя своим послушанием религиозного директора института. В это-то время с ним и произошел тот случай, который описывают все биографы Слепцова, толкуя его, правда, по-разному. Приведем рассказ Нелидовой: «В институтской домово́й церкви шла обедня в один из больших праздников. Свиридов вместе с другими двумя мальчиками, увлеченными его примером, прислуживал, по обыкновению, в алтаре. Остальные ученики в величайшем порядке были выстроены парами вдоль церкви. Публики по случаю праздника собралось более обыкновенного, и половина обедни успела уже отойти, как вдруг как раз в ту минуту, когда с первыми словами „Верую“ священник отдернул церковную завесу над царскими вратами, с левого клироса вышел бледный более обыкновенного Свиридов, сделал несколько шагов по амвону, отворил снаружи царские врата и вошел в алтарь» (ч. I, л. 66). При виде такого святотатства все замерли в недоумении, так как в царские

врата могли входить только священнослужители. В это время из алтаря послышался стон, и через несколько минут оттуда вынесли Свиридова без памяти.

Когда разгневанный директор пришел к юноше и потребовал объяснить проступок, неожиданный ответ поразил его еще больше: «— Я хотел испытать, что будет,— слабым голосом, лежа в постели, с страдальчески нахмуренными бровями, но уже с полным сознанием отвечал Свиридов.— Я ведь, входя, сказал: *не верую!* Я хотел видеть, допустит ли это и накажет ли меня за это бог. Если он есть, он ведь непременно должен был наказать меня, потому что тогда я сделал грех и, пожалуй, даже большой грех. Но вот я видите ли!.. я сомневаюсь... Я ведь давно сомневаюсь, вот в чем дело,— закончил Свиридов уже как бы про себя...» (ч. I, л. 67).

Итак, по словам Нелидовой, Слепцов не выходил на середину церкви, чтобы громко заявить о своем неверии (ранее известная версия), а сказал «не верую!» в алтаре как бы про себя, что, конечно, более правдоподобно. В статье «Биография Слепцова» Марков сообщает другую версию того же случая. Брат писателя Н. А. Слепцов, учившийся вместе с ним, передавал Маркову, что Василий Алексеевич не хотел лишний год оставаться в институте, так как задумал держать вступительный экзамен в университет, а чтобы родители не препятствовали ему, симулировал сумасшествие²⁰. Но и он упоминает о скандале, бывшем во время богослужения. Трудно сказать, какая из этих версий более соответствует действительности. Может быть, даже обе они верны, так как Слепцов мог притвориться сумасшедшим уже после первого скандала, чтобы как-то объяснить свой поступок и добиться все-таки исключения, которое, как оказывается, было для него не наказанием, а желанным результатом.

Во всяком случае, нас этот факт должен интересовать постольку, поскольку он свидетельствует о резком и глубоком разочаровании Слепцова в религии. С этого момента он становится ярким приверженцем атеизма и начинает искать иную «веру». Дорогу к ней подсказал Слепцову один из его родственников, выведенный в романе под именем Николая Ильича Стоцкого. Человек рудинского склада, он приехал в родные места из Петербурга и Москвы, где принимал живое участие в общественной деятельности. В провинции Стоцкий сразу же стал заметной фигурой, говорил речи «о расчищении почвы, о необходимости возратить долг народу, о земском собрании, о конституции и о женском равноправии» (ч. I, л. 79). Юноша Свиридов был самым внимательным и постоянным слушателем Стоцкого. Он читал книги, привезенные Николаем Ильичом, и нашел в них немало интересного, так как в библиотеке Стоцкого «были за много лет разрозненные томы петербургских передовых журналов и, наконец, тщательно подобранные коллекции запрещенной подпольной литературы» (ч. I, л. 75).

Все это перевернуло мировоззрение Свиридова и направило духовные поиски юноши совсем по другому пути. Размышляя о справедливости и несправедливости, он пришел к выводу об ущербности современного общественного устройства. Ему стало ясно, что «в основании нашей религии, нашей нравственности до сих пор положено было страдание, заметьте,— одно страдание, апофеоз страдания» (ч. I, л. 95). И он в противовес этому создал свою «теорию наслаждения», ибо человек не должен мириться со страданием, оно противно его природе. Вот как излагает Нелидова основные положения его теории, в которой явно заметно влияние социалистических утопических учений: «Задача только в том, чтобы люди поняли преимущество одних перед другими и добровольно поступились некоторыми из удобств и радостей жизни, ежедневных, вульгарных и малоценных, не даром, нет! Но ради обмена на бесконечно более высокие, неизмеримо более утонченнейшие и в тысячу раз, может быть, более сильные наслаждения высшего порядка, духовные, альтруистические. Без наград, без удобного пансиона на том свете, как говорит Герцен, а именно ради самой цели, ради естественного в каждом человеке эгоистического стремления к счастью» (ч. I, л. 93).

«Теория наслаждения», близкая теории «разумного эгоизма» Чернышевского, показывала, что Слепцов рвет со своим классом, безоглядно уходя в ряды тех, кто борется за счастье человечества. Случай в институтской церкви осознавался Слепцовым как первый шаг по направлению к другому лагерю. Поэтому и «теория наслаждения» органически вытекала из его страстных поисков новой веры. Тогда Слепцову еще

казалось, что самое главное — это самозабвенно верить в новое учение, в новое «дело», а успех его придет сам по себе. Когда Стоцкий сказал Свиридову, что ведь многие понимают нелепость общественного строя и все-таки не борются за новый, Свиридов горячо возразил: «Потому что не вполне верят. Поверьте, только поэтому. Верят в полверы, а наполовину сомневаются и не хватает сил, и отчаяния нет, чтобы совсем оборвать, перейти совсем на другую сторону. Да это ведь и не легко — переходить. Это трудно», — задумчиво прибавил он. «Но вот вы всё же перешли. Хоть и через церковные врата, а все-таки перешли...», — ответил ему Стоцкий (ч. I, лл. 87—88).

Действительно, Слепцов мужественно порвал со своим классом и с тех пор ни минуты не сомневался в правильности выбранного пути. Книги Николая Ильича помогли ему совершить этот переход, но и они не удовлетворили юношу. Нелидова намекает, что с самого начала Слепцов стремился к серьезному знанию, брался за решение самых важных, кардинальных вопросов эпохи. Ему не хватало в библиотеке Стоцкого книг по философии, так как только в них, казалось ему, можно найти ответ на его вопросы.

«А для меня теперь это важнее всего. Хотелось бы прийти к чему-нибудь, найти для себя...

— Что же, нашли?

— Нет, — печально отозвался Лева. — Может быть оттого, что я сам не довольно хорошо понимаю, но мне кажется, что главного не решает никто. Ходят только вокруг да около. Вероятно, не могут решить» (ч. I, л. 89).

Поиски решения этих вопросов привели Слепцова сначала в Московский университет, а потом и в Петербург, в редакцию «Современника». В своем романе Нелидова частично объясняет, почему Слепцов бросил занятия на медицинском факультете университета, куда поступил осенью 1853 г. Он ушел, так как считал, что «взял уже всё, что можно было взять в университете из науки и знания». «Поверьте, — говорил он матери, — что больше мне нечего делать здесь и не для чего терять время...» (ч. I, л. 119). По-видимому, и из Пензенского дворянского института Слепцов ушел сам и по той же причине. Сошлемся на слова Маркова: «Полагаясь на свои способности и не желая понапрасну тратить лишний год, молодой Слепцов объявил своим родителям, что не желает далее продолжать учение в институте, а хочет прямо держать вступительный экзамен в университет»²¹. Такая целеустремленность была в высшей степени характерна для Слепцова. Она объяснялась тем, что в науке он искал ответа на вопрос о социальной справедливости, а писательство с самого начала стал считать «делом», помогающим разрешить эту проблему. Всю свою сознательную жизнь Слепцов был рыцарем одной идеи, служил ей самозабвенно, не случайно даже перед смертью он размышлял об утопическом романе, подобном «Дон-Кихоту».

Творческая деятельность Слепцова началась, как и у многих, с писания стихов. Нелидова приводит одно из юношеских стихотворений писателя: «Зарей утра объят весь огнистый...» Мать и брат Слепцова тоже вспоминали, что его первыми произведениями были стихи; в письмах Слепцова к Нелидовой 1875 г. несколько раз упоминается о стихотворениях, которые он писал для нее. По-видимому, все это были «домашние» или любовные стихи, которым он не придавал серьезного значения, так как никогда их не печатал. Более важно другое свидетельство Нелидовой. По ее словам, еще до поступления в Московский университет, Слепцов задумал написать трактат об изобретенной им «теории наслаждения», но вскоре оставил эту мысль и вместо трактата написал любопытный рассказ о разочаровании в практическом применении этой теории. «Интересное и трогательное описание печального разочарования было пересыщено остроумными замечаниями, забавной иронией над самим собой» (ч. I, л. 113). Как утверждает Нелидова, рассказ был принят в редакции известного петербургского журнала, Слепцова пригласили сотрудничать в нем. Не был ли этот журнал «Современником»? Ведь в редакции «Современника» уже работал с 1853 г. Чернышевский, который писал в то время свою знаменитую диссертацию, во многом перекликающуюся с теориями молодого Слепцова. Скорее, однако, здесь ошибка Нелидовой: по-видимому, она имеет в виду более поздний период жизни писателя, начавшего сотрудничать

в «Современнике» только с 1862 г. Во всяком случае, пока нам не удалось установить, появился ли юношеский рассказ Слепцова в каком-либо петербургском журнале за 1854—1855 гг.

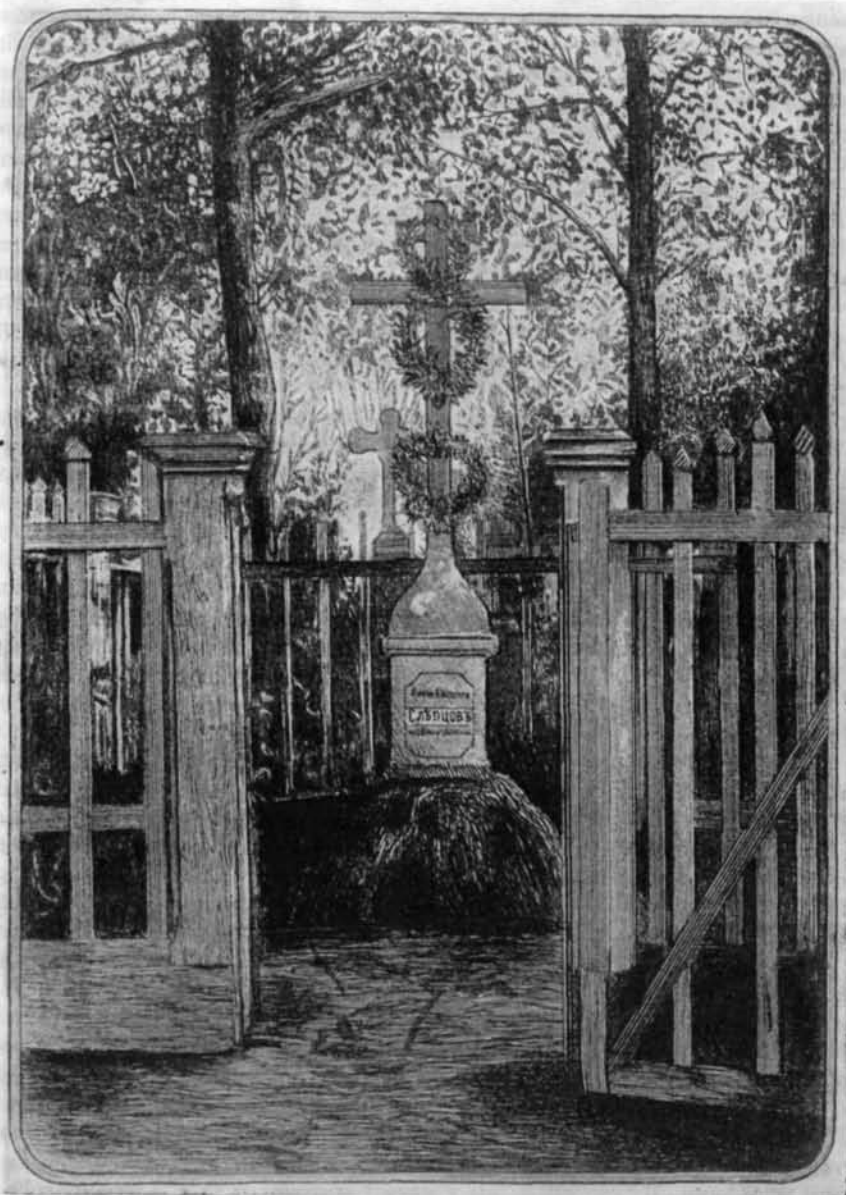
Жизнь Слепцова в 60-х годах освещена в романе Нелидовой не только крайне скудно, но и неверно. Впрочем, цель ее понятна: Нелидова старалась всеми способами «обелить» фигуру Слепцова в глазах цензуры. Поэтому она всячески подчеркивает, что Слепцов стоял в стороне от революционного движения, что арестован он был совершенно случайно, так как «нашелся его адрес, ничтожная записка у одного из сильно замешанных деятелей». Наконец, утверждает, что революционным движением Слепцов интересовался «главным образом, с литературной точки зрения, не принимая сам <в нем> близкого и деятельного участия» (ч. II, лл. 118—119).

Любопытно, что это утверждение опровергает сама же Нелидова несколькими страницами ниже. Во второй части произведения, где она рассуждает о непричастности Слепцова к революционной практике, Нелидова вводит в роман новую фигуру — знакомую Свиридова — Елизавету Ильиничну Ворсильову, или Люпочку, как ее любовно называет Свиридов. Люпочка приезжает к Свиридову помочь ему наладить отношения с Лидией Михайловной, она становится для них самым близким и нужным человеком и в решающие моменты, во время разрыва Лидии Михайловны с семьей «спасает» обоих. Люпочка — свой человек в Свиридовке, где живет мать Льва Дмитриевича, она хорошо знает писателя еще по петербургской жизни, словом, это человек его круга. Нелидова сочувственно рисует яркую фигуру «новой женщины», сильной и самостоятельной, мужественно переносящей все невзгоды своей нескладной жизни.

Оказывается, что у Люпочки, как и у других действующих лиц романа «На малой земле», есть свой жизненный прототип. Под ее именем выведена в романе Любовь Егоровна Воронцова, замечательная женщина из плеяды шестидесятниц, судьба которой была далеко не обычна. В 1871 г., когда ей было всего двадцать лет, она привлекалась к суду в знаменитом процессе «нечаевцев». Ее брат, Дмитрий Егорович Коведяев, принадлежал к тайному обществу Нечаева «Народная расправа». Коведяев состоял в кружке Рипмана и Прижова, исполнял разные поручения, укрывал в своей квартире от преследования правительства Нечаева, П. Николаева и князя Черкезова, помог Нечаеву уехать за границу в декабре 1869 г. Вот что говорится в судебном протоколе от 16 августа 1871 г. «по делу о заговоре, составленном с целью ниспровержения существующего порядка управления в России»: «...когда после убийства Иванова Кузнецов и Нечаев прибыли в Петербург, то тотчас же начались деятельные розыски разных прежних знакомых Нечаева, причем он и Кузнецов обратились *прежде всего* к московской их знакомой Воронцовой, переговоры с которой о вступлении ее в Общество начались еще в Москве»²².

На следствии Воронцова показала, что согласилась вступить в Общество. Когда она собиралась ехать из Москвы в Петербург, Нечаев лично виделся с ней и дал ей поручение. Он «стал спрашивать ее о ее знакомых в Петербурге, она назвала некоторых, а он поручил ей склонить их к вступлению в Общество. Целью этого общества, как поняла ее Воронцова из разговоров с неизвестным, было изменение существующего порядка»²³. Представляется очень вероятным, что среди имен, которые называла Воронцова Нечаеву, было имя Слепцова, ближайшего петербургского знакомого Воронцовой. Да и летом 1875 г., когда Воронцова приехала в Петровское-Разумовское к Слепцову, там еще все было полно отголосками дела Нечаева (1873). Напомним, что главная квартира Нечаева была в Петровско-Разумовской академии, что среди «нечаевцев» большинство было слушателей этой академии, а убийство студента Иванова произошло в гроте парка академии.

Воронцова на суде отказалась от адвоката, с успехом сама защищала себя, была признана невиновной и оправдана. Нелидова неоднократно упоминает об этом в романе. По ее словам, Люпочка Ворсильова «в знаменитейшем процессе сама защищала себя, выручила столько политических, помогала бежать Эманову». Под именем Эманова скрывается, по всей вероятности, Нечаев. В другом месте романа Люпочка рассказывает Лиде, как поздравляли ее известные петербургские адвокаты с успешной защитой. Правда, в романе «На малой земле» Воронцова показана

МОГИЛА СЛЕПЦОВА В СЕРДОВСКЕ

Гравюра, 1904 г.

в один из несчастнейших периодов ее жизни, но ведь даже там встречаются намеки на ее революционную деятельность. Нелидова пишет, как скучала Люпочка без дела, как частенько подумывала об опасном поручении: «Не беда, если бы опасное поручение. Детей в Финляндию тогда. В Сибирь послали бы что ли...» (ч. IV, л. 143).

Слепцов тоже часто упоминает в своих письмах о Любочке Воронцовой (см. его письма к Нелидовой от 4 октября и 31 декабря 1875 г., 3 сентября 1877 г. и б. д.). В 1873 г. он пишет матери из Железноводска: «Любочку недавно выпустили. Она просидела 4 месяца и теперь уж уехала совсем больная в Волынскую губернию работать на железной дороге и лечиться»²⁴. Сохранились в письмах и свидетельства о том, что в 1875 г. Воронцова «устраивала» роман Слепцова с Нелидовой (см. письмо Слепцова к матери 1875 г., письма Л. Воронцовой к Ж. А. Слепцовой и Л. Ф. Нелидовой)²⁵. Любочка всегда была в курсе всех дел Слепцова, с ней он говорил о самом важном для него. Так, летом 1875 г. они обсуждали вопрос о продаже слепцовских сочинений московскому издателю. Нелидова приводит в романе следующий разговор Свиридова и Люпочки: «— И как я мог! Как я мог продать издания этому скареду, этому кулаку, попову сыну? — говорил он, называя фамилию известного издателя.

— Не то важно, что продали, а что продешевили, — отозвалась Люпочка» (ч. II, л. 539).

Речь идет о продаже собрания сочинений Слепцова издателю Полякову, о чем он писал Нелидовой 23 ноября: «Дело мое о продаже издания кончилось, совсем кончилось, решительно и положительно: я продал издание за две тысячи и в понедельник заключаю условие».

Можно предположить, что Воронцова была одной из слушательниц Слепцова в Петербурге 60-х годов. Известно, что лекции Слепцова в то время посещали такие женщины, как Н. П. Суслова, «первая русская женщина, получившая в Швейцарии звание доктора медицинских наук (...), Бокова, которая тоже впоследствии получила диплом доктора в Германии и стала известным в Лондоне оператором по болезням глаз, Софья Ковалевская и другие»²⁶. Должно быть поэтому Люпочка относится к Слепцову как к учителю и с восторгом говорит: «такого ума и понимания жизни — ведь он все может понять — я не встречала никогда» (ч. II, л. 503).

В 1898 г. Воронцова поступила на должность фельдшерицы в ту самую Солнышевскую лечебницу близ станции Лопасня, где работал Чехов²⁷. Можно с уверенностью утверждать, что Чехов был знаком с Воронцовой: в ее письмах часто встречается имя врача Веры Андреевны Глуховской-Павловской, хорошей знакомой Чехова. Нелидова, которая жила все эти годы близ Воскресенска, тоже встречалась с Чеховым и даже написала потом о нем воспоминания. Известно, что Чехов гостил у Маклаковых (Лидии Филипповны и ее пасынка — В. А. Маклакова) летом 1903 г. Видимо, две эти женщины — Воронцова и Нелидова, — обе хорошо знавшие Слепцова, рассказывали о нем Чехову.

Итак, Нелидовой, даже при желании, не удалось показать изолированность Слепцова в 70-х годах, его непричастность к революционному движению. Правда, не следует забывать, что годы, проведенные с Нелидовой, ни в коей мере не показательны для всей жизни Слепцова. Ведь в 1875 г. он был занят устройством своих личных дел, а в 1876 г. уже почувствовал первые признаки страшной болезни, которая через год свела его в могилу. Но даже в этот период он был тесно связан с передовыми русскими деятелями. Из его писем мы узнаем, что летом 1875 г. из Петровского-Разумовского он часто ездил «на целый день» в Волынское к В. И. Танееву²⁸. Не менее интересен рассказ Нелидовой о жизни Свиридова и Лидии Михайловны в Москве в 1876 г.

Вскоре после возвращения Свиридова и Лидии Михайловны из Киева в Москву, — повествует Нелидова, — к ним на квартиру явились известная актриса Ростовская и пригласила Свиридова принять участие в только что организовавшемся «Обществе содействия народному просвещению». Свиридов согласился и взялся в качестве режиссера составлять труппу для народного театра. Цель «Общества содействия народному просвещению» Нелидова характеризует так: «дать народу вместо кабака и балагана разумные и эстетические развлечения» (ч. IV, лл. 20—21). На окраине Москвы

был устроен летний театр, здесь же, по предложению Лид. Мих., открыли чайную и устроили всякие «разумные» развлечения, несколько месяцев упорно репетировали и, наконец, открыли народный театр. Постоянными посетителями театра и чайной стали фабричные рабочие из Подмосквы, которые остались очень довольны «Обществом». Репертуар театра был соответствующе подобран. Как пишет Нелидова, лучшим спектаклем оказалась пьеса Островского «На бойком месте», поставленная в бенефис Ростовской.

Если всмотреться в фигуру этой женщины, изображенную Нелидовой, окажется, что под ее фамилией скрывается знаменитая русская трагическая актриса П. А. Стрепетова (1850—1903). Мы узнаем ее прямолинейный и неуживчивый характер, детали личной жизни, даже внешний облик, вплоть до таких мелочей, как виртуозное умение гримироваться, присущее Стрепетовой. Описание ее игры в пьесе Островского на сцене народного театра совпадает с многочисленными восторженными отзывами критиков, видевших ее в роли Евгении, одной из лучших ролей актрисы, в театре Бренко: «В кокетливо повязанном поверх пестрого ситцевого платья передничке с кружевцами, в разноцветных бусах, позванивающих вместе с длинными серьгами, в платочке, края которого весело развевались по плечам, Евгения непрестанно лукавила и хитрила. Но, казалось, что и хитрость ее не от дурного, а от какой-то бабьей тоски, от неудавшейся жизни»²⁹.

Нелидова пишет, что к моменту знакомства Свиридова с Ростовской она уже была прославленной артисткой. Стрепетова впервые приехала из провинции в Москву весной 1873 г., через два месяца с успехом выступила на сцене Общедоступного театра и с тех пор полюбила москвичам. Летом 1876 г. Стрепетова уже не играла в Общедоступном театре и только с сентября этого года стала выступать в Артистическом кружке вместе с М. И. Писаревым. Поэтому есть все основания предположить, что до сентября, все лето, она, действительно, играла на сцене какого-то любительского народного театра под Москвой, организованного «Обществом содействия народному просвещению» (трудно сказать, как оно называлось в действительности, так как, видимо, и это название вымышленное).

Слепцов был знаком со Стрепетовой с 1875 г. Об этом свидетельствует ее письмо от 23 июля 1875 г.: «Познакомилась с Плевако и с Слепцовым (писатель). Последний нравится»³⁰. В переписке Слепцова с Нелидовой тоже встречается имя Стрепетовой (см., например, письмо Слепцова из Москвы от 15 февраля 1876 г.). В 1876 г., вероятно, состоялось знакомство Стрепетовой с Нелидовой. Много лет спустя Нелидова написала о ней статью «Памяти П. А. Стрепетовой», где отзывалась об актрисе как о своей старой знакомой. Наконец, Воронцова тоже хорошо знала Стрепетову и несколько раз упоминала о ней в письмах к Нелидовой. Должно быть, все они составляли один тесно спаянный кружок. Возможно, что «Общество», о котором пишет Нелидова, сразу же попало на заметку полиции и вскоре вынуждено было прекратить свое существование. Предположение это основано на следующем письме Воронцовой к Нелидовой, которое примерно можно датировать концом 70-х годов: «Пошла к Стрепетовой, у которой и пишу это письмо, так как дома нет чернил. Думаю, приведя всё в порядок, приняться за шитье и серьезно готовиться к отъезду. Пожалуй, скоро произойдет катастрофа и всем нам придется рассылаться в разные стороны»³¹. Катастрофа, действительно, вскоре произошла. Когда Нелидова в 1877 г. снова приехала в Москву с Кавказа, ей сообщили, что Общества не существует, а один из его руководителей — «дядя Гриша» — сидит в остроге. Видимо, только болезнь и внезапный отъезд на юг избавили Слепцова от вторичного ареста.

Итак, если эти предположения верны, то можно на основании романа Нелидовой установить новый факт общественной жизни России 70-х годов, тем более любопытный, что речь идет о биографиях таких видных деятелей, как Слепцов и Стрепетова.

Пятая часть романа «На малой земле» посвящена последним годам жизни Слепцова (1887—1878) — поездке на Кавказ и жизни в Куракине. В эти годы Слепцов уже не жил, а медленно умирал, все силы уходили на лечение и на заботу о деньгах. И все-таки в этих главах есть новые штрихи для характеристики его личности. Так, Нелидова рассказывает о том живом интересе, который проявил Свиридов к забастовке рабочих на

Кавказе. Этот факт соответствует действительности. 11 июля 1877 г. Слепцов писал Нелидовой в Москву: «В Ессентуках уже два раза бунтовались рабочие при ваннах». В романе же подробно изображена сходка рабочих в Железноводске, на которую, по настоянию Слепцова, отправляется Нелидова. «Тебе любопытно будет посмотреть. Ты ведь этого не видела никогда...», — говорит Свиридов Лидии Михайловне. Предполагается, что сам Свиридов неоднократно видел подобное.

Забастовка растет, они узнают, что завтра решено ее назначить в Ессентуках и, может быть, распространить еще дальше. Характерно отношение Свиридова к забастовке. Он не только не жалуется, подобно другим больным, что ванны закрыты, хотя, может быть, каждый лишний день без лечения отнимает у него месяц жизни. Нет, он вместе с Лидией едет к сенатору Сухову, прибывшему, чтобы расследовать дело. Уже в Москве Нелидова вспоминает его слова по поводу забастовки: «Если не взять силой, добровольно люди не поступятся ничем» (ч. V, л. 101).

Здесь, на Кавказе, он опять-таки окружен людьми передовых взглядов. Близкая знакомая Лиды — Виктория Виттольд — оказывается Анной Петровной Прохоровой, живущей на нелегальном положении. Возможно, речь идет здесь о Юргенсон, которую встретил Слепцов в Тифлисе. «Здесь твоя знакомая тифлисская барышня Юргенсон, она пробудет здесь до половины августа», — писал он Нелидовой 29 июля 1877 г. На Кавказе Слепцов после долгого перерыва вновь увиделся с другом своей юности графом Евгением Сальсом. «Встретились мы с ним на бульваре, был он у меня, вспоминали мы с ним старое. Собирается ехать в Тифлис — посмотреть» (письмо от 30 сентября 1877 г.). Безнадежно больной Слепцов не перестает пристально следить за политическими событиями, сообщает Нелидовой последние кавказские новости. В Пятигорске он сближается с известным участником сербско-турецкой войны генералом Черняевым и узнает от него закулисную сторону кавказских дел. Так, он пишет в июле 1877 г.: «...доктор Иванов был у меня с прошлогодними рассказами о Сербии — ведь он туда ездил — и о Черняеве (...). Seriously говоря, здесь, т. е. не здесь, а за Кавказом такие дела творятся — ужас! В газетах об этом ничего не печатают, вопервых, потому, что война за Кавказом — личное дело в<еликого> к<нязя>, а, во-вторых, потому, что уж очень все это скандально. Оказывается, что за Кавказом война идет вовсе не между Россией и Турцией, а между Лорис-Меликовым и Мирским. Мирский — известный старый интриган, которому нужно отличиться, а между тем Лорис-Меликов против ожидания пошел в ход и действует очень успешно. И вот, Мирский с помощью интриг и внушений главнокомандующему устраивает так, что делаются нелепые распоряжения, требования Лорис-Меликова не исполняются, и все это для того, чтобы уронить его, губят тысячи солдат, чтобы доказать неспособность Лорис-Меликова».

В Кисловодске — Пятигорске Слепцов, по словам Нелидовой, написал расказ, который остался нам неизвестен. Возможно, он затерялся, так как в последний год жизни писатель постоянно переезжал с места на место. По письмам Слепцова и рассказам близких можно восстановить точную хронологическую канву этого периода³².

Рассказ Нелидовой о последних днях жизни Слепцова дает несколько интересных фактов. Писатель, по словам Нелидовой, сознавал, что умирает, как жертва современного строя, в расцвете сил, не осуществив большинства своих планов. Он прямо сказал об этом Лидии Филипповне в ответ на ее отчаянный вопрос: «Стало быть, погибать?»

« — Да, малютка, при современном строе нет выхода. На „острове Утопия“ предполагаются другие порядки, но он пока еще необитаем» (ч. V, л. 158).

Размышляя о своей судьбе, он сравнивал ее с судьбами многих русских литераторов. Его мать вспоминала, что в предсмертные дни Слепцов много говорил о Добролюбо-ве, до последнего часа следил за газетами, интересовался процессом Веры Засулич. Нелидова тоже пишет, что он часто заставлял ее читать и каждый день до полуночи беседовал с ней о литературе. Особенно много говорил про Глеба Успенского: «А какой был чудесный талант! И тоже не сумел дать того, что мог дать, если бы работал при других условиях. Я не знаю, любишь ли ты Глеба Успенского? Надо мне как-нибудь почитать его тебе. У него такие перлы, зарытые в куче ненужных неуклюжих слов...

В свое время они и были, конечно, нужны... Никогда не следует увлекаться этим. Нужно писать, не думая о времени, не думая ни о чем, кроме того, чтобы фигура встала яркая, живая, во весь рост. Остальное все придет само собой. Она сама будет говорить за себя и скажет, что нужно, лучше всяких авторских рассуждений. Ты понимаешь меня? Это тебе мое литературное завещание» (ч. V, л. 186).

Литературным завещанием Слепцова, обращенным не только к Нелидовой, но и ко всем молодым писателям, были и его слова о необходимости искать свои, новые формы для выражения мысли. «Я хочу сказать — есть выражения и целые фразы, до такой степени затрепанные от частого употребления, что они обратились в клише и не должны больше повторяться. Ни один герой или героиня уже не имеют права *прислоняться пылающим лбом к холодному мрамору или холодному стеклу окна*. Это конечно, нужно придумать что-нибудь другое. И *красные нити, проходящие через все произведение, и весна, вступившая в свои права...* Нужно искать и находить свои, новые слова, новые сочетания слов и новые предметы для наблюдения» (ч. V, л. 179).

Не приходится сомневаться, что эти мысли принадлежат Слепцову. Он был большим мастером «своих» слов, всегда находил свою точку, с которой смотрел на мир. Эту его особенность отметил Горький: «Слепцов вообще брал темы новые, не тронутые до него: о фабричных рабочих, об уличной жизни Петербурга; его очерки полны намеков — вероятно, бессознательных — на судьбу отдаленного будущего страны, полны живого смысла, не уловленного в свое время...»³⁸.

Теперь мы знаем, что намеки Слепцова во всех его произведениях были далеко не «бессознательны». Это был человек передовой бунтующей мысли, тесно связанный многими нитями с освободительным движением своего времени.

Роман Нелидовой «На малой земле» вряд ли имеет право на публикацию из-за его художественной неполноценности. Но многие десятки его страниц представляют, несомненно, интерес не только для биографии Слепцова, но, косвенно, и для характеристики общественной жизни России 70-х годов.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Ж. А. Слепцова. Василий Алексеевич Слепцов. — «Русская старина», 1890, № 1, стр. 233—241.

² В. С. Марков. Биография В. А. Слепцова. — «Исторический вестник», 1903, № 3, стр. 957—976.

³ Сочинения В. А. Слепцова в двух томах, т. I. М., 1932, стр. 583—591.

⁴ «Некролог Маклаковой-Нелидовой, составленный Спасской В. М.». Рукопись. — ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 2, ед. хр. 5, л. 13.

⁵ «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 500.

⁶ Л. Н е л и д о в а (Л. Ф. Маклакова). На малой земле. Машинопись. — ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 12, л. 503. — В дальнейшем даются ссылки только на части и листы машинописи романа Нелидовой в тексте статьи.

⁷ Письма В. А. Слепцова к Л. Ф. Маклаковой-Нелидовой. — ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 271. — В дальнейшем ссылки на них не даются.

⁸ «Вестник Европы», 1909, № 9, стр. 229.

⁹ Письмо от 21 октября/2 ноября 1879 г. — «Стасюлевич и его современники», т. III. СПб., 1912, стр. 173.

¹⁰ Указ. некролог Маклаковой-Нелидовой, л. 3.

¹¹ Письмо Тургенева к Нелидовой от 14 мая 1880 г. — ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 3.

¹² Л. Н е л и д о в а. Памяти Полины Антипьевны Стрепетовой. — «Русская мысль», 1903, № 12, стр. 147 и 152.

¹³ Письма Маклаковой-Нелидовой к В. З. Ворониной. — ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 35. — В дальнейшем ссылки на них не даются.

¹⁴ «Вестник Европы», 1909, № 9, стр. 230.

¹⁵ Письма В. А. Слепцова к В. З. Ворониной. — ЦГАЛИ, ф. 479, оп. 1, ед. хр. 17.

¹⁶ См. стр. 133 настоящего тома.

¹⁷ См. стр. 436 настоящего тома.

¹⁸ Указ. некролог Нелидовой, л. 9.

¹⁹ Там же, л. 6.

²⁰ В. С. Марков. Указ. биография Слепцова, стр. 966.

²¹ Там же.

²² Б. Б а з и л е в с к и й. Государственные преступления в России, т. I. СПб., 1906, стр. 211.— *Подчеркнуто нами.*

²³ Там же, стр. 215.

²⁴ Письма В. А. Слепцова к матери.— ЦГАЛИ, ф. 479, оп. 1, ед. хр. 12.

²⁵ ЦГАЛИ, ф. 479, оп. 1, ед. хр. 12 и ф. 331, оп. 1, ед. хр. 92.

²⁶ М. Г о р ь к и й. Собр. соч., т. 24. М., 1953, стр. 223.

²⁷ См. о Л. Е. Воронцовой также стр. 491—492 настоящего тома.

²⁸ Письма В. А. Слепцова к Маклаковой-Нелидовой от конца августа, 3 и 5 сентября 1875 г. См. также нашу публикацию об отношениях Слепцова и В. И. Танеева в настоящем томе.

²⁹ «П. А. Стренетова. Жизнь и творчество трагической актрисы». М.—Л., 1959, стр. 37.

³⁰ Там же, стр. 274.

³¹ Письма Воронцовой к Маклаковой-Нелидовой.— ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 92.

³² Приводим ее:

1877 г.

Январь — март. Петербург, визиты к знаменитым профессорам.

Май. Жизнь в Бекове.

Июнь. Пребывание в Куракине.

27 июня. Отъезд на Кавказ.

Июль — август. Жизнь в Железноводске.

3—10 сентября. Пребывание в Пятигорске.

11—19 сентября. Переезд в Кисловодск.

20 сентября — 26 октября. Возвращение в Пятигорск. Жизнь там. Сборы в Ялту.

27 октября. В Таганроге.

Ноябрь. Возвращение в Куракино.

1878 г.

6 марта. Переезд в Сердобск.

23 марта. Смерть.

³³ М. Г о р ь к и й. Собр. соч., т. 24, стр. 221.